ЛІНГВОМЕНТАЛЬНІСТЬ В АСПЕКТІ АРЕАЛЬНОЇ ЛІНГВІСТИКИ ТА МОВНИХ КОНТАКТІВ

Л. Ф. БАРАННИК. Украинские элементы в русских островных говорах Одесщины

На территории Одесской области находится около 40 селений, жители которых являются носителями южнорусских говоров. Русские говоры Одесщины принадлежат к островным, переселенческим, носители которых переселились на эту территорию из южнорусских губерний, в основном, Курской и Орловской, в первой трети XIX в. Русские говоры Одесщины длительное время (около 200 лет) бытуют в отрыве от основного этнически русского массива, от материнских южнорусских диалектов в полиязычном, полиэтничном окружении: украинском, болгарском, молдавском, гагаузском и др. Долговременное функционирование в изоляции от русского языкового и диалектного материка в иноязычном окружении способствовало интенсивному межъязыковому и междиалектному взаимодействию в русских островных говорах Юга Украины, прежде всего украинско-русскому, преимущественно на лексическом и словообразовательном уровнях. Словарный состав русских островных говоров в результате продолжительных междиалектных контактов пополнился лексическими заимствованиями из соседних языков и говоров, как близкого, так и отдаленного родства.

Анализ лексических заимствований в русских говорах Юга Украины показывает, что большинство их (около 80%) воспринято из близкородственного украинского языка и его говоров. Украинизмы проникли в разнообразные тематические группы бытовой и сельскохозяйственной лексики, а также в лексикон, связанный с природой, с растительным и животным миром, например: *вáпна* «известь», *горúще* «чердак», *дымáрь* «дымовая труба», *крéйда* «мел», *фóртка* «калитка», *цéгла* «кирпич», *шúбка* «форточка»; *ряжка* «кружка», *серникú* «спички», *цебéрка* «подойник», *вышивáнка* «вышитая верхняя рубашка», *карпéтки* «носки», *кóмир* «воротник», *монúсты* «бусы», *мотузóк* «поясок»; *алéя* (ср. укр. *олія*) «растительное масло», *варенúцы* «ленивые вареники», *горúлка* (*горылка*) «водка», *капусняк* «блюдо из тушеной капусты и картофеля», *кисляк* «кислое молоко», *óцéт* «уксус», *яловичина* «говядина»; *дúвчина* «девушка», *дзыга* «непоседа», *пáрубок* «юноша, парень»; *лан* «поле», *óранка* «вспаханное поле», *кавýн* «арбуз», *огýдина* «огуречные стебли»; *лошúца* «молодая лошадь», *тварына* «животное», *чередá* «стадо»; *пáша* «подножный корм», *косáрка* «косилка», *молотáрка* «молотилка», *жнивáрка* «жнейка», *просорýшка* «машина для очистки проса», *сивáлка* «сеялка»; *калюжа* «лужа», *ровчáг* «овраг», *ставóк* «пруд», *рáйдуга* «радуга», *шпак* «скворец» и мн. др. Помимо слов с предметным значением, в русские говоры из украинского языка вошло большое количество глаголов, прилагательных, наречий, междометий, обозначающих важнейшие трудовые и физиологические процессы, действия, ощущения, состояния, качества, свойства, признаки, а также эмоции и волевые импульсы: *будувáть, бáчить, вáжить, вечéрять, взорáть, взувáться, гальмувáть, годувáть, голúть, збирáть, здужáть, надбáть, пытáть, побрáться, хворáть, ховáть, шановáть, шукáть; вáжкий, бедолáжный, безглýздый, блискýчий, замóжный, порядный, раптóвый, смáженый; вáжко, вгорú, вершкú, десь, дóвго, вдвох, видкиля, гáйда, геть, нихáй, трóшки* и мн. др. Характерно, что для других контактирующих с русскими говорами языков и диалектов непредметный словарь русских переселенцев, за исключением редких случаев, остался непроницаемым.

Проникновению большого количества украинизмов в русские переселенческие говоры, несомненно, способствовала генетическая близость русского и украинского языков, значительная общность их в словарном составе и словообразовании, а также в грамматических формах.

Воздействие близкородственного украинского языка на русские островные говоры разнообразно. Оно заключается не только в проникновении в их лексику значительного количества украинских слов, но и отдельных словообразовательных элементов, в изменении звуковой оболочки некоторых русских слов под воздействием украинских соответствий, в семантическом преобразовании диалектных слов, в обогащении местной синонимии и антонимии и, наконец, в том, что украинский язык способствует сохранению в русских переселенческих говорах, являющихся по преимуществу курско-орловскими, южнорусской лексики, общей с украинской. В русских островных говорах Юга Украины выделяется большая группа слов, общих с украинскими и другими южнорусскими: *бóрошно, дежá, корéц, кут, новинá, свúта, скрыня, толокá* и мн. др., генетически восходящих к общему для русского и украинского языков праславянскому источнику. Такие слова, конечно, нельзя рассматривать как заимствованные из украинского языка. О необходимости строго различать заимствования и фак-

ты, «свидетельствующие о родстве между собой языков», говорил еще Ф. Ф. Фортунатов: «При исследовании родственных отношений между языками заимствования, получаемые одним языком от другого, понятно, должны быть строго отличаемы от фактов, свидетельствующих о родстве между собою данных языков» [3: 71]. Однако сохранению подобных слов в русских островных говорах, несомненно, способствует соседство с украинским языком, в котором они являются литературными.

Анализ украинизмов показывает, что большая часть их освоена русскими переселенцами без каких-либо семантических изменений. Трансформация значений при переходе украинизмов в лексическую систему русских говоров происходит лишь в отдельных случаях. Наиболее распространенным видом семантического преобразования украинизмов в русских говорах является сужение смыслового объема многозначного в языке-источнике слова, заимствование слова не во всех, а только в некоторых или чаще в одном значении. Так, в исследуемые говоры из украинского языка только в одном, преимущественно первичном, конкретном значении вошли существительные: *комна́тка* «маленькая комната, спальня» (ср. укр.: *кімна́тка*), *ква́рта* «мера жидкости более литра», *пе́рвосточка* «впервые отелившаяся корова» (ср. укр. *пе́рвістка*) и мн. др., прилагательные *бра́вый* «хороший, обладающий отличными вкусовыми качествами, свойствами» (*бравая вода, бравая мя́сушка* и т. п.) *шви́дкий* «быстрый (о человеке)», глаголы: *вы́кохаться* «вырасти (о человеке)», *забари́ться* «задержаться, замешкаться», *по́раться* «заниматься хозяйством» и др. Однако некоторые многозначные украинизмы освоены русскими переселенцами в двух и более значениях. Анализ показывает, что в многозначных словах в первую очередь происходит усвоение первичных, прямых значений, переносные значения усваиваются позднее или не усваиваются вообще. Так, двузначное украинское *кри́га* — I. лед (кусок обычно), «льдина» и перен. (о человеке) лед, ледышка (УРС, II: 398) — русские употребляют только для названия льдины, *хма́ра*, имеющее в украинском три значения: 1. облако, туча, 2. перен. — об опасности, о мрачном настроении — «туча», 3. перен. множество, разг. туча, тьма (УРС, IV: 341) — в русских говорах лишь «облако», «туча», украинское *шар* — слой, пласт, 2. перен. слой, общественная группа, 3. геолог. пласт, слой, расслойка (УРС, IV: 471) — русские переселенцы знают только в первом, прямом, значении («Шар баклажан, шар укропу, шар памидор лажу у бочку») и т. п. В первичных номинативных значениях русскими восприняты также многие украинские глаголы: *годува́ть* «кормить», *запроторить* «потерять, деть», *му́лить* «тереть, давить» и др.

Иногда происходит заимствование не прямого, как обычно, а переносного значения слова. Наблюдается это в тех случаях, когда переносное значение обладает особой эмоционально-экспрессивной окраской, яркой коннотацией. Эмоционально-экспрессивная насыщенность явилась причиной закрепления в русских говорах в переносном значении существительного *дзы́га* «непоседа, юла (о человеке)», прилагательного *би́тый* в значении «тертый калач (о человеке)», глагола *пу́трить* «ругать» и др.

Наряду с сужением смыслового объема полисемантичных украинизмов, с закреплением их в русских говорах лишь в одном из значений наблюдается сужение семантики украинизмов в результате конкретизации в русских говорах понятий, обозначенных этими словами. С более узкой, видовой, семантикой закрепился в русских островных говорах украинизм *огу́дина*, обозначающий не овощные плети вообще, как в языке-источнике, а только огуречные, *квит*, служащий наименованием не всякого цветка вообще, а только искусственного, из воска или бумаги.

Нередко при усвоении украинизмов наблюдается лексическая контаминация. Контаминируют обычно два слова (русское и украинское) с одинаковыми значениями, близкие по своему звучанию, по своей морфонологической структуре. В результате лексической контаминации образуются новые слова или новые формы слов. Так, в русском говоре села Вознесенка Арцизского района Одесской области южнорусское *кутенёнок* «щенок» в результате контаминации с украинским *цуценя́* в этом же значении видоизменилось в *куценёнок*. Ср. также русск. диал. *дзвене́ть*, возникшее в результате контаминации русск. лит. *звенеть* и укр. *дзвіні́ти*; *вкруго́м*, контаминированное из русск. *круго́м* и укр. *вкруг*; *горобе́й*, возникшее в результате контаминации русск. *воробе́й* и укр. *горобе́ць*; *гуро́к*, восходящее к русск. *огуре́ц* и укр. *огиро́к*.

В русские островные говоры Юга Украины вошло большое количество украинских слов с непредметной семантикой. Как показывает анализ, заимствование украинизмов непредметного значения происходит нередко при их столкновении с отягощенными многими значениями исконно русскими словами. При этом наблюдаются многообразные парадигматические изменения: разрушение полисемии, обогащение, развитие синонимии, образование новых антонимических пар. К таким заимствованиям в русских говорах Одесщины относятся украинизмы *замо́жный, шви́дкий, бала́кать* и др. Слово *замо́жный* (ср. укр.: *замо́жний* (УРС, II: 82) употребляется

русскими переселенцами только в значении «богатый человек». Прилагательное *замо́жный* нередко субстантивируется («Заможный покупал васкавой винок, бедный бумажный»). В результате вхождения в лексическую систему русских говоров украинизма *замо́жный* «богатый» в русских островных говорах произошло сужение семантического объема многозначного русского *бога́тый* (в значении «богатый человек» слово *бога́тый* русские переселенцы употребляют очень редко или не употребляют вообще), а также обогащение синонимического ряда с доминантой *бога́тый*, и, наконец, возникновение новой антонимической пары *замо́жный — бе́дный*. Те же парадигматические семантические процессы наблюдаются в русских островных говорах при столкновении украинизмов *жва́вый, шви́дкий* с русским соответствием *быстрый*, украинского *зажу́реный* с русским *гру́стный*, украинского *леда́чий* с русским *лени́вый*, украинского *бала́кать* с русским *говорить*, украинизмов *забарыться, заги́нуть, паску́дить, зду́жить* с русскими *одоле́ть, задержаться, погибнуть, ругать, одолеть* и т. п.

Русские говоры Одесщины, функционируя длительное время в условиях тесного контактирования с близкородственным украинским языком и его говорами, испытывают украинское влияние не только на лексическом, но и на словообразовательном уровне. Специфика общения на близкородственных языках и диалектах приводит к интенсивному сближению их лексических систем, что, несомненно, отражается на словообразовании. Причем степень проницаемости словообразовательных структур близкородственных языков при контактном двуязычии значительно большая, чем при контактировании неродственных, разносистемных языков.

Основным видом взаимодействия близкородственных языков и говоров на словообразовательном уровне, по мнению исследователей, является усвоение структурной и структурно-семантической модели заимствования [2: 220].

Например, по специфической словообразовательной модели украинского языка в русских говорах Одесщины образуются имена существительные со значением лица женского пола с суффиксом *-к-а*, который присоединяется к основам существительных мужского рода со значеньем лица на *-тель*: *учи́телька (вучителька), воспитателька* и т. п. Как видно из приведенных примеров, по данной украинской словообразовательной модели образуются слова от исконно русских основ, отличающихся от соответствующих украинских морфофонематически (ср. русс. *воспитателька* — укр. *виховательки*).

Укрепились в русских островных говорах Одесщины украинские словообразовательные модели с суффиксом *-к-а* для наименований животных (*яловка, ящерка* (*ящурка*), с суффиксами *-иц-а, -ниц-а* — для обозначений предметов (*дойни́ца, копани́ца, копи́ца, яри́ца*), с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ичк-а* — для наименований предметов (*копи́чка, кисли́чка, дойни́чка*). Более широкое распространение по сравнению с «материнскими», южнорусскими в русских говорах Одесщины получили слова с типичными для украинского языка и его говоров словообразовательными формантами *-ата, -енята*, производящими названия молодых животных в форме множественного числа (*овча́та, орленя́та*).

Русские переселенцы активно заимствуют также отдельные словообразовательные элементы, характерные для украинского языка и его говоров. Словообразовательные форманты заимствуются первоначально вместе со словами. Затем, вследствие укрепления и активного употребления в языке-преемнике этих лексем, словообразовательные морфемы могут выделиться из заимствованных слов и функционировать самостоятельно, особенно если производящие основы четко выделяются и материально не различаются в обоих языках [1: 92]. Так, по аналогии с прочно вошедшими в повседневное употребление украинизмами *годува́ть, гуркува́ть, катува́ть, купува́ть* и т. п. в русских островных говорах Одесщины употребляются: *выгова́рювать, жа́ждувать* «хотеть пить», *жорнува́ть* «размалывать на жерновах», *забува́ть, закру́тювать, зимува́ть, проде́лувать, протя́гувать, раска́лувать* и мн. др., образованные с помощью украинского суффикса *-ува-* от исконно русских корней.

В результате взаимодействия близкородственных словообразовательных систем в русских островных говорах Одесщины появляется значительное количество словообразовательных вариантов. Украинские заимствования функционируют параллельно с исконными образованиями: *поседелки — посиденьки, поливалка — поливачка, родич — сродственник — родственник, палочка — паличка, почтарка — почтальонка — почтальонша, кассирка — кассирша, вучителька — учителька — учительница, рыбалка — рыбак* и т.п. Причем, украинизмы зачастую вытесняют по степени употребительности русские соответствия. Так, украинизмы *почтарка, учителька (вучителька), рыбалка* в исследуемых русских говорах употребляются чаще русских соответствий: *почтальонка, почтальонша, учительница, рыбак*.

Широко употребляются в русских островных говорах украинизмы, отличающиеся от русских соответствий морфонологически, они вытесняют из активного употребления русские параллели: укр. *завдаток* — русск. *задаток*, укр. *глыбоко* — русс. *глубоко*,

укр. *дирка* — русск. *дырка*, укр. *голка* — русск. *иголка*, укр. *пошта* — русск. *почта*, укр. *зрост* — русск. *рост* и т. п. Эти украинско-русские лексические пары являются только смысловыми, семантическими дублетами, отличаясь друг от друга функционально, степенью и сферой употребления, что приводит фактически к образованию в русских говорах стилистических синонимов. Более многочисленны, однако, в русских островных говорах синонимы, появившиеся в результате сближения слов исконно русских и заимствованных из украинского языка и его говоров: *ледачий — ленивый, обуриваться — возмущаться, тямить — понимать, охлять — похудеть, катовать — бить* и т. п. Стилистически нейтральными в таких синонимических рядах обычно выступают русские слова. Украинизмы, обогащая местную синонимику, в одних случаях выражают большую степень признака (*ледачий* «очень ленивый»), в других указывают на особую эмоционально-экспрессивную насыщенность слова (ср. укр. *обуриваться* — русск. *возмущаться*, укр. *тямить* — русск. *понимать*), в-третьих, выражая большую степень признака, осложняются эмоционально-экспрессивной окраской (ср.: укр. *охлять* «очень похудеть» — русск. *похудеть*, укр. *катовать* «сильно бить» — русск. *бить*).

Заимствования из украинского языка играют существенную роль в лексико-семантической системе русских островных говоров Одесщины. Они обогащают местную синонимику, позволяют конкретизировать, уточнять некоторые общие значения русских слов, разграничить оттенки их значений.

Длительная оторванность от этнического языкового и диалектного русского «материка», функционирование русских островных говоров в условиях полиязычного окружения способствовали тому, что лексико-семантическая система русских островных говоров подверглась существенному воздействию со стороны контактирующих лексико-семантических и словообразовательных систем родственных украинских диалектов.

Русские островные говоры, сохраняя русскую общенародную и южнорусскую (диалектную) основу, пополнились значительным количеством лексических украинизмов, а также отдельными украинскими словообразовательными моделями и формантами.

Наблюдения показывают, что основными процессами при контактировании родственных диалектов являются: 1. заимствование слов, 2. изменения в семантике слов, как исконных, так и заимствованных, 3. лексическая контаминация сходных по значению слов контактирующих близкородственных языков и диалектов, 4. появление в лексической системе островных русских говоров значительного числа дублетных и синонимических рядов, включающих исконные и заимствованные компоненты.

1. *Баранникова Л. И.* Сущность интерференции и специфика ее проявления // Проблемы двуязычия и многоязычия. — М., 1972.
2. *Булахов М. Г.* Особенности интерференции русского и белорусского языков // Проблемы двуязычия и многоязычия. — М., 1972.
3. *Фортунатов Ф. Ф.* Язык и наречия // Избранные труды. — Т. 1. — М., 1956.
4. *УРС* — Українсько-російський словник. — Т. I–IV. — К., 1953–1962.

В. М. БОШКОВ. Многоязычие гагаузов (в свете языковой ситуации на Одесщине)

Одним из основных понятий социолингвистики является многоязычие («полилингвизм») — употребление нескольких языков в определенной социальной общности. Принято различать «индивидуальное» и «национальное» многоязычие, именно последнее и служит объектом социолингвистического изучения.

В многонациональном регионе, каким является Одесская область, представляет интерес изучение полилингвизма (в широком смысле) и билингвизма (в более узком) гагаузского народа, численность которого на Одесщине составляет более 30 тысяч человек.

Уникальность многоязычия гагаузов обусловлена их историей и постоянными контактами с соседними народами — носителями языков абсолютно иных языковых семей. Гагаузский же язык является одним из самостоятельных языков тюркской семьи, насчитывающей более 30 родственных языков. По научной классификации современный гагаузский язык относится к огузской, или юго-западной группе, в которую, помимо гагаузского, также входят азербайджанский язык (а также его диалекты в Иране и Афганистане), турецкий язык, туркменский язык и близкие к нему хорасанский (в Ираке) и халаджский (в Иране). К огузской группе относится также ранее существовавший южный диалект крымско-татарского языка [5: 27–42].

Широкий ареал расселения гагаузов (Молдова, автономное образование Гагауз Йери, Одесская и Запорожская области Украины, Казахстан, Узбекистан, Северный Кавказ, Болгария, Греция, Македония, Румыния и др.) и исторически обусловленное сосуществование гагаузов с другими народами — носителями нетюркских язы-